

II.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Обзоръ русскихъ военныхъ журналовъ (Артилерійскій журналъ №№ 7, 8, 9).—
Studien über Frankreich. Berlin 1871. (Очерки Франціи. Берлинъ, 1871).

Артилерійскій Журналъ.

Въ свое время, въ «Военномъ Сборникѣ» были сообщены свѣдѣнія объ осадѣ и оборонѣ Страсбурга, на основаніи источниковъ, появившихся тотчасъ по взятіи города, когда еще дымились его развалины и когда близость факта не допускала ни внимательнаго обозрѣнія, ни спокойнаго обсужденія его. Теперь этотъ замѣчательный эпизодъ кровавой войны 1870 года разрабатывается болѣе и болѣе, факты обрисовываются полнѣе и позволяютъ дѣлать заключенія какъ относительно атаки и обороны крѣпостей, такъ и вообще относительно ихъ стратегическаго значенія на театрѣ войны.

Къ числу сочиненій, появившихся въ послѣднее время объ осадѣ и оборонѣ Страсбурга, слѣдуетъ отнести напечатанную въ «Артилерійскомъ Журналѣ», за августъ и сентябрь мѣсяцы, переводную статью, принадлежащую перу офицера австрійской службы капитана Бруннера. До сихъ поръ почти всѣ свѣдѣнія объ этомъ предметѣ сообщались либо французами, либо пруссаками, которымъ трудно было отрѣшиться отъ своихъ симпатій и антипатій и объективно отнестись къ дѣлу; приводимое нами сочиненіе принадлежитъ офицеру нейтральной державы, что отчасти ручается за безпристрастность его выводовъ.

Сочиненіе г. Бруннера раздѣляется на двѣ части: въ первой излагаются факты, во второй выводы изъ нихъ. Принимаемая во вниманіе
Т. LXXXII. Отд. II.

маніе спеціальность предмета, а также и то, что читателямъ «Военнаго Сборника» фактическая сторона дѣла уже отчасти извѣстна, мы оставимъ въ сторонѣ первую часть сочиненія. Тѣмъ съ большимъ вниманіемъ мы отнесемъ ко второй части, чтобы позволить читателямъ съ критической стороною дѣла, съ выводами.

Приступая къ оцѣнкѣ атаки и обороны Страсбурга, авторъ, прежде всего, замѣчаетъ, что вообще, во время этихъ дѣйствій, инженерная сила крѣпости всегда остается на второмъ мѣстѣ; на первый же планъ выдвигаются ея защитники, и въ особенности комендантъ и его штабъ. Военная исторія представляетъ столько примѣровъ упорной обороны, при самыхъ незначительныхъ матеріальныхъ средствахъ, и, наоборотъ, скоротечнаго паденія самыхъ сильныхъ крѣпостей, что высказанная идея можетъ считаться неоспоримую.

Выходя изъ этой точки, авторъ, шагъ за шагомъ, рассматриваетъ дѣйствія страсбургскаго коменданта и указываетъ на тѣ упущенія и ошибки, которыя были имъ сдѣланы во время обороны.

Онъ начинаетъ съ *приведенія крѣпости въ оборонительное положеніе* и замѣчаетъ, что крѣпость, которая въ то же время есть и многолюдный городъ, прежде всего, должна вполнѣ или отчасти обезпечить себя отъ бомбардированія. Положимъ, что Страсбургъ заблаговременно не былъ окруженъ линіей отдѣльныхъ фортвъ; тѣмъ не менѣе французамъ слѣдовало съ перваго дня объявленія войны, начать строить земляныя укрѣпленія. Если бы они даже и не успѣли довести ихъ до надлежащихъ размѣровъ, то все-таки могли бы, начавъ работу 15-го іюля, къ 6-му августа вооружить ихъ и обезпечить отъ штурма. Примѣры подобныхъ укрѣпленій нерѣдко встрѣчаются въ исторіи крѣпостной войны: въ 1866 году Флорисдорфское мостовое укрѣпленіе было построено въ 14-ть дней; сильное земляное укрѣпленіе при Веронѣ — въ три недѣли и проч. Если бы комендантъ крѣпости и не получилъ на это позволенія, то, начиная съ 6-го августа, послѣ несчастнаго дѣла подъ Вертомъ, онъ долженъ былъ приступить къ постройкѣ полевыхъ укрѣпленій предъ фронтомъ атаки и привести въ оборонительное состояніе тѣ селенія, которыя могли быть приспособлены къ упорной защитѣ.

Затѣмъ авторъ указываетъ какія именно постройки слѣдовало вывести и какія деревни привести въ оборонительное положеніе. Онъ замѣчаетъ, что выдвинутые впередъ посты удерживали бы непріятеля нѣкоторое время въ почтительномъ отдаленіи, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока къ нему не подошли бы подкрѣпленія,

вслѣдствіе чего было бы выиграно время для приведенія крѣпости въ оборонительное состояніе. Жители имѣли бы возможность приготовиться къ бомбардированію; трусы имѣли бы время удалиться. Изъ окружающихъ мѣстечекъ можно было бы снабдить крѣпость съѣстными припасами.

Жителей подгродныхъ селеній слѣдовало бы заставлять очищать впереди-лежащую мѣстность и помогать производить работы. Наконецъ, гарнизонъ приобрѣлъ бы увѣренность въ самомъ себѣ; для рекрутъ и подвижной гвардіи стычки и дѣла въ передовыхъ укрѣпленіяхъ служили бы хорошею школой. Разъ какъ рекрутъ выдержалъ огненное крещеніе, подъ свистомъ отдѣльныхъ пуль, и видѣлъ бы непріятеля въ глаза, онъ пересталъ бы его бояться и терять сознаніе отъ треска залповъ и отъ грома бомбардированія. Нельзя не согласиться съ авторомъ касательно этихъ разсужденій и не признать, что только *внезапное, случайное* распространяетъ ужасъ.

Выдвинутыя впередъ укрѣпленія и укрѣпленныя селенія оказывали большія услуги во многихъ осадахъ (напримѣръ, подъ Севастополемъ). Въ нынѣшнюю войну Бельфоръ можетъ служить хорошимъ примѣромъ въ этомъ отношеніи: французы упорно удерживали впереди-лежащія лѣса и деревни и тѣмъ причиняли наступающему большія потери.

Однако, замѣчаетъ далѣе авторъ, для подобныхъ дѣйствій непрѣменно нужны хорошія войска, а такихъ войскъ въ Страсбургѣ было весьма немного, именно одинъ лишь 87-й линейный полкъ; къ нему, впрочемъ, можно бы было причислить резервную пѣхоту и вольныхъ стрѣлковъ, особенно полезныхъ для защиты отдѣльныхъ домовъ.

Обезпечивъ себя выдвинутыми впередъ постами, можно было смѣло вручить подвижной гвардіи защиту внутреннихъ частей крѣпости и производить оборонительныя работы съ большимъ спокойствіемъ. Затѣмъ авторъ указываетъ на необходимость воспользоваться силами населенія и находить, что надлежало бы сдѣлать слѣдующія распоряженія:

- 1) Поручить городскому совѣту очистить впереди-лежащую мѣстность къ извѣстному сроку.
- 2) Предписать дирекціи желѣзныхъ дорогъ очистить отъ рельсовъ всѣ лишнія колеи, а по обложеніи крѣпости снять всѣ рельсы и перевезти ихъ въ крѣпость.
- 3) Городскіе архитекторы должны были бы построить изъ рельсовъ

и запаснаго дѣла, вдоль отлогостей валовъ, безопасныя помѣщенія какъ для гарнизона, такъ и для лишенныхъ крова жителей.

4) Городское общество должно было бы позаботиться о сборѣ и храненіи състныхъ припасовъ, блиндированіи важнѣйшихъ зданій и заготовленіи пожарныхъ снарядовъ.

5) Всѣ гражданскіе инженеры и строители должны были бы находиться въ распоряженіи начальника инженерновъ. Такимъ образомъ, инженерные офицеры составляли бы планы работы, а гражданскіе строители исполняли бы ихъ. Большая масса лишенныхъ крова и работы жителей доставила бы большое количество рукъ; фашины и туры могли бы быть изготовляемы, по образцамъ, по подряду.

Авторъ перечисляетъ всѣ упущенія, сдѣланныя при приведеніи крѣпости въ оборонительное положеніе, въ инженерномъ отношеніи. Онъ приводитъ длинный списокъ этихъ ошибокъ (19 пунктовъ) и подробно разбираетъ дѣйствія осажденнаго. Само собою разумѣется, что подобная оцѣнка, сдѣланная на досугѣ и въ тиши кабинета, оказывается слишкомъ строгою; но нельзя не согласиться, что были упущены изъ виду весьма существенныя обстоятельства, усиливающія оборону крѣпости. Изъ нихъ особенно бросаются въ глаза: недостатокъ траверзовъ и расходныхъ пороховыхъ погребовъ; недостатокъ закрытыхъ помѣщеній для орудій и для гарнизона; недостатокъ дорогъ для выхода изъ крѣпости войскъ, назначаемыхъ для вылазокъ и проч.

Изъ краткаго обзора работъ авторъ выводитъ заключеніе, что инженеры не выполнили того, что отъ нихъ слѣдовало ожидать; недостаткомъ инженерныхъ офицеровъ и войскъ только отчасти можно это извинить. Но, въ особенности, авторъ критикуетъ дѣйствія французовъ въ послѣдній періодъ обороны: онъ утверждаетъ, что послѣ 27-го сентября, когда атакующій пробилъ брешь и былъ у недонныхъ гласиса, его можно было бы, безъ всякаго геройства, удержать еще на 15 дней, ибо столько времени необходимо, при самой смѣлой и смѣшной работѣ, для достиженія подножія бреша. Дѣйствительно, надо было вести спускъ въ ровъ контргарда, потомъ перейти водяной ровъ въ 15 клафтеровъ (клафтеръ=6 футамъ) ширины подъ яруснымъ огнемъ рavelина и контргарда, потомъ выстроиться на земляной анвелонѣ противъ бреша, перейти главный ровъ подъ фланговымъ и фронтальнымъ огнемъ, сдѣлать брешь удобовосходимую и тогда уже рѣшиться на штурмъ. Но въ какихъ условіяхъ могъ бы быть произведенъ штурмъ? Съ боку и въ тылу—ravelинъ и горнверкъ, впереди—кавалеръ; пришлось бы ограничиться единственнымъ сообщеніемъ, которое до

ошняго вѣщанія гласиса представляло бы дефіле въ 500 шаговъ длиною и шириною, не болѣе какъ для четырехъ человекъ; проходя его, надлежало бы подниматься на отлогости, спускаться въ нижнія сообщенія и сдѣлать, по крайней мѣрѣ, 50 поворотовъ. Могъ ли бы повѣрять тактику, замѣчать авторъ, что нападентіе изъ подобнаго дефіле осуществимо на войско, стоящее въ открытой полѣ? Военная исторія представляетъ много примѣровъ упорной защиты брешей, даже въ тѣ отдаленныя времена, когда изъ орудій стрѣляли «во имя Бога и всѣхъ святыхъ его». Авторъ сибѣ утверждаетъ, что, послѣ пробитія брешей, Страсбургъ могъ держаться еще три недѣли, а если бы гарнизонъ сталъ защищаться въ домахъ, то три мѣсяца.

Переходя къ употребленію артиллеріи гарнизоннѣ Страсбурга, авторъ замѣчаетъ, что оно не выдерживаетъ никакой критики. Сравнѣнія артиллерійскія средства обѣихъ сторонъ, легко замѣтить, что, несмотря на численное превосходство (въ крѣпости находилось до 1,000 орудій разнаго калибра), французская артиллерія была значительно хуже прусской какъ относительно матеріальной части, такъ и личнаго ея состава. Обороняющійся бралъ перевѣсъ числомъ орудій, атакующій—матеріальною частью и экватывающею позиціей.

Если французскія орудія не могли бороться съ противникомъ на дальнихъ дистанціяхъ, тѣмъ болѣе вниманія слѣдовало обратить на ближнюю оборону, и когда фронтъ атаки окончательно опредѣлился, слѣдовало его «усыпать» орудіями, въ полномъ смыслѣ слова. Однако этого не было сдѣлано и въ послѣдній періодъ обороны: на двухъ атакующихъ эюнетахъ стояло по шести орудій.

Если ничего не могли сдѣлать прицѣльнымъ огнемъ, какъ это, по замѣчанію автора, случалось при каждой осадѣ, то слѣдовало подтвержденныя ошности тяжелыя пушки просто снать; но, на всякій случай, падо было оставить на атакующемъ фронтѣ, въ закрытыхъ поищеніяхъ, нѣсколько картечницъ, чтобы, въ ночное время, по-временамъ осыпать гласисъ и поле картечнымъ огнемъ, который сдѣлалъ бы немисленнымъ веденіе открытыхъ траншей. Беречь боевыя припасы совсѣмъ не слѣдовало: вмѣсто того, чтобы, при сдачѣ крѣпости, отдать ихъ непріятелю, гораздо лучше было бы ихъ выстрѣлить, хотя бы и безъ разрывныхъ зарядовъ.

Вообще мортирный огонь игралъ, и долженъ играть и теперь, весьма значительную роль при оборонѣ крѣпости; медленно, но непрерывно долженъ онъ осыпать работы атакующаго, и дѣйствіе его можетъ быть иногда такъ сильно, что заставитъ атакующаго съ

большою тратой времени и матеріала вести блиндированные подступы (Данцигъ въ 1813 году).

Удивительно также, что французы не позаботились объ освѣщеніи впереди-лежащей мѣстности ни посредствомъ свѣтящихся ядеръ и ракетъ, ни съ помощью какого-либо другаго способа, указываемаго техникою. Они даже ничего не знали о ночныхъ работахъ непріятеля при переходѣ его чрезъ ровъ.

Хотя французская артилерія нуждалась во многомъ, какъ, напримеръ, въ гранатныхъ трубнахъ, которыя сгорѣли въ числѣ 36,060, въ бомбахъ для мортиръ и проч., но всему этому можно было помочь, хотя отчасти; можно было бы пользоваться трубками, приготовленными въ лабораторіи, причеиъ, на близкой дистанціи, дурное ихъ качество не имѣло бы никакого значенія, или стрѣлять даже вовсе безъ трубокъ; бомбы можно было бы замѣнить каменною картечью и т. д. Исторія обороны крѣпостей показываетъ примѣры, что войска, находившіяся несравненно въ худшемъ положеніи, изыскивали способы вредить непріятелю, и долго удерживали его подъ своими развалившимися стѣнами, между тѣмъ какъ Страсбургъ имѣлъ еще два-три ряда валовъ, до тысячи орудій и массу боевыхъ припасовъ.

Вообще французская артилерія выказала немного энергіи. Ни разу ей не удалось заставить молчать непріятельскую артилерію; она едва подбила дюжину пушекъ и вывела изъ строя не болѣе 350 человекъ за все время осады.

Употребленіе пыхоты. Эта часть обороны разобрана авторомъ довольно подробно. Дѣйствительно, она представляетъ значительный интересъ, потому что указываетъ на активную оборону крѣпости, на дѣйствія живаго матеріала, заключеннаго въ ея стѣнахъ.

По мнѣнію автора, гарнизонъ изъ 19,006 человекъ, въ числѣ которыхъ 11,000 солдатъ и мобилей, обратившихся во время осады въ настоящихъ боевыхъ солдатъ, въ такой крѣпости, девять десятыхъ окружности которой, вслѣдствіе наводненія, были совершенно недоступны, былъ не только достаточенъ, но даже великъ, и позволялъ вести активную оборону. Комендантъ, располагающій такими силами, могъ избрать театромъ своихъ дѣйствій впереди-лежащую мѣстность; крѣпость для него была бы только резервомъ, ограждавшимъ отъ неблагоприятныхъ случайностей. Она обеспечивала бы его отступленіе и, вслѣдствіе того, дѣлала бы нападающаго безстрашнымъ, не позволяла бы осаждающему преслѣдовать и пожинать плоды своихъ побѣдъ, а между тѣмъ каждая вылазка грозила бы непріятелю отнятіемъ орудій и боевыхъ припасовъ.

Выигрывать времени—главная задача крѣпости, которой цѣль состоятъ въ томъ, чтобы долѣе удержать вдали отъ театра военныхъ дѣйствій значительную часть непріятельскихъ силъ. Но чѣмъ живѣе и активнѣе оборона, тѣмъ положеніе осаждающаго опаснѣе и тѣмъ больше долженъ быть осадный корпусъ.

Поручивъ оборону крѣпости пушкамъ и національной гвардіи, слѣдовало, съ помощью регулярныхъ войскъ и другихъ способныхъ къ этому командъ, препятствовать непріятелю приближаться къ крѣпости, заставить его быть осторожнымъ и брать съ бою и съ значительными потерями каждый ключокъ впередѣ-лежащей мѣстности. Для этой цѣли непремѣнно надо было воспользоваться мѣстными предметами и привести ихъ въ оборонительное положеніе. Еслибы эти пункты были взяты, то и тогда не слѣдовало бы заператься въ крѣпости, а, подобно нашимъ войскамъ въ Севастополѣ, расположить систему передовыхъ постовъ и пикетовъ, въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ прикрытаго пути, скрывая ихъ за ложементами. Они расширили бы крѣпостную ограду, затруднили бы рекогносцировки и, поддерживая ночью настѣльный огонь, мѣшали бы подвигаться осаждающему летучему сапоу.

Если бы непріятель и занялъ такіе посты, то это обошлось бы ему не дешево, и произвести подобную атаку можно бы было только ночью, а на утро войска обороняющагося вновь могли бы занять оставленные пункты (Севастополь).

Нельзя не согласиться съ вѣрностью замѣчаній автора объ этомъ періодѣ обороны; но надо замѣтить, что, въ данномъ случаѣ, онъ упускаетъ изъ виду весьма важное обстоятельство, именно деморализацію французскихъ войскъ въ первое время осады, происшедшую отъ предыдущихъ неудачъ, и устранить которую было не въ силѣ коменданта. Сравнивая осаду Страсбурга съ осадой Севастополя, надо непремѣнно принять въ расчетъ ту разницу въ нравственныхъ силахъ войскъ, то настроеніе ихъ, которое покрыло славою сева-стопольскій гарнизонъ, умѣвшій безропотно умирать на валахъ и въ то же время бодро и весело идти на ежедневныя, почти ежеминутныя вылазки.

Затѣмъ авторъ переходитъ къ вылазкамъ и раздѣляетъ ихъ на *большія* и *малыя*. Первые, по его мнѣнію, сопряжены съ чувствительными потерями, и потому должны быть рѣшительны и предприниматься всегда съ опредѣленною цѣлью. Такихъ вылазокъ можно сдѣлать двѣ: первую для разрушенія непріятельскихъ орудій, когда артилерія обороняющагося уже ослаблена; вторую, когда желѣзный

кругъ осаждающаго такъ стужался, что является опасность быть раздавленнымъ: тогда его нужно разорвать насильно. Эти вылазки слѣдуетъ предпринимать всѣми находящимися въ распоряженіи коменданта войсками. Тутъ авторъ вдастся въ подробности и указываетъ, когда именно, какими войсками и по какому направленію надо было произвести вылазки, причемъ перечисляются и результаты, которые получились бы отъ подобныхъ дѣйствій.

Кромѣ большихъ вылазокъ, слѣдовало *каждую ночь* предпринимать маленькія нападеныя, чтобы безпрестанно беспокоить непріятеля, и, вызывая его на банкеты, выставять его тѣмъ подъ огонь крѣпостныхъ орудій и мѣшать его летучимъ работамъ. Для небольшихъ вылазокъ слѣдовало бы устроить особый отборный отрядъ, составленный изъ лицъ хорошо знакомыхъ съ мѣстностью, подобно тому какъ составлена была генераломъ Раппомъ, подъ Данцигомъ, въ 1813 году, отборная рота.

Въ заключеніе авторъ говоритъ о роли ружейнаго огня, при оборонѣ крѣпости, и придаетъ ему большую важность, доказывая, что, при всей вялости ружейной обороны французовъ, огонь ихъ ружей нанесъ непріятелю болѣе вреда, чѣмъ артиллерійскій. Еще во время Вобана, при дрянныхъ ружьяхъ, съ трудомъ стрѣлявшихъ на 300 шаговъ, это средство рекомендовалось какъ весьма дѣйствительное, а между тѣмъ французы, вопреки всѣмъ учебникамъ, не обратили на него никакого вниманія и позволяли непріятелю употребить летучую сапу вмѣсто тихой; въ тѣхъ случаяхъ, когда это было бы немисливо при ружейномъ огнѣ. Самая тяжелая и дорого стоющая работа, во времена стараго ружья, вѣнчаніе гласиса, была произведена безъ малѣйшей потери способомъ, казавшимся невозможнымъ въ эпоху колесовыхъ замковъ, именно летучею сапой.

Такимъ образомъ, *пльхта*, въ продолженіе всей осады, была *насиленнымъ пушечнымъ мясомъ*; она ничего не дѣлала, исключая вылазки 2-го числа, до самаго взятія люнетовъ. Да и въ этотъ день она мало принимала участія въ бою.

Итакъ, основываясь на критическихъ изслѣдованіяхъ осады и обороны, авторъ доказываетъ, что ни положеніе крѣпостныхъ верковъ, ни состояніе орудій и боевыхъ припасовъ не давали коменданту никакого права на капитуляцію. Окончивъ разборъ этихъ предметовъ, авторъ ищетъ другихъ причинъ, побудившихъ коменданта къ преждевременной сдачѣ, но и тутъ не находитъ достаточныхъ поводовъ для его оправданія.

Многіе полагаютъ, что Страсбургъ былъ принужденъ сдаться отъ

крайняго недостатка *състныхъ припасовъ*; но, при ближайшемъ разсмотрѣніи, оказывается, что не доставало только свѣжей говядины, однако было еще нѣсколько коровъ и барановъ для больныхъ и конины для здоровыхъ на цѣлый мѣсяць; муи и стручковыхъ плодовъ было запасено въ большомъ количествѣ. Конечно, населеніе не могло имѣть пищу какъ въ счастливые дни мира; не было, напримеръ, молока (всего 26 дойныхъ коровъ), но до крысъ и кошекъ было еще далеко, и еслибы въ свое время обратили вниманіе на тарифъ и установленіе суточного раціона, то положеніе страсбургскаго населенія, въ отношеніи продовольствія, можно бы было смѣло назвать удовлетворительнымъ.

Не менѣе энергически авторъ протестуетъ противъ тѣхъ, которые приписываютъ неудачу слабому *духу гарнизона*. Онъ доказываетъ, что духъ войскъ былъ превосходный, что, не говоря уже о моряхахъ и о храбрости 87-мъ пѣхотномъ полку, подвижная національная гвардія, оборонявшая фронтъ атаки, была, несмотря на ежедневныя потери, воодушевлена и стойко держалась на валахъ. Это доказывается въ особенности тѣмъ, что въ послѣдніе дни ружейный огонь былъ отлично поддерживаемъ и нанесъ неприятелю весьма серьезныя потери. Какъ оказалось впоследствии изъ разныхъ источниковъ, гарнизонъ не сочувствовалъ сдачѣ.

Даже *гражданское населеніе* Страсбурга было настроено весьма хорошо. Извѣстно, что эльзасцы вообще, а страсбургцы въ особенности, считаются лучшими французами. Когда неприятель окружилъ городъ, граждане были далеки отъ того, чтобы оробѣть или лишиться мужества; слухи, намекавшіе на капитуляцію, и о которыхъ будто бы слышалъ генералъ Урихъ, были очень рѣдкимъ исключеніемъ. Периодическія изданія, появившіяся въ Страсбургѣ во время осады (Нижнерейнскій Вѣстникъ и Impartial du Rhin) не только ничего не говорили о сдачѣ, но, напротивъ, воодушевляли населеніе.

Ужасныяочи во время бомбардированія, непрерывные пожары, большое число жертвъ между жителями, лишеніе крова, разореніе имуществъ, могли бы вынудить крикъ отчаянія; но сапгенитическій характеръ страсбургцевъ скоро утѣшался тѣмъ, что выходъ изъ опасности и конецъ войны уже близки. Вмѣсто того чтобы пользоваться помощью жителей, Урихъ избѣгалъ обращаться къ ихъ патриотизму. Благотворительность страсбургскихъ гражданъ къ жертвамъ бомбардировки, покорность, съ какою они переносили несчастіе, заслуживаютъ справедливаго уваженія. Народонаселеніе было слишкомъ далеко отъ того, чтобы въ чемъ нибудь удорать комен-

дента; напротивъ органы общественнаго мнѣнія говорили: «Намъ остается одно: ждать и крѣпко держаться. Не у насъ рѣшится судьба Франціи: большіе удары послѣдуютъ въ другомъ мѣстѣ! *Наши дома*, по возможности, держаться дольше».

Число желавшихъ сдачи было до того ничтожно, что попытка собрать подписи на этотъ предметъ оказалась совершенно неудачною, даже послѣ страшныхъ дней 10-12 сентября; напротивъ, городской совѣтъ, въ послѣдній періодъ обороны, призналъ безчестными и малодушными тѣхъ гражданъ, которые безъ нужды оставляли городъ до появленія непріятеля.

Такимъ образомъ авторъ и здѣсь доказываетъ, что населеніе нисколько не стѣсняло коменданта и что Страсбургъ недаромъ заслужилъ благодарность отечества. Наконецъ, послѣдняя лазейка, которую готовилъ себѣ Урихъ, взывая къ человѣколюбію, пенужности напрасныхъ жертвъ и бесполезности дальнѣйшаго сопротивленія для исхода войны, оказывается наименѣ состоятельною. Подобное мягко-сердечіе должно положительно преслѣдоваться въ военномъ человѣкѣ. Война вообще безчеловѣчна; но, можетъ быть, большія жертвы въ одномъ мѣстѣ предохраняютъ отъ еще большихъ въ другомъ, и какъ можетъ отдѣльная личность, при своимъ исключительномъ положеніи, рѣшить: окажетъ ли дальнѣйшее сопротивленіе вліяніе на войну или нѣтъ?

Коменданты крѣпостей должны руководствоваться только военными законами, которые вмѣняютъ въ обязанность каждому коменданту удерживать крѣпость, по возможности, долге и дожидаться штурма на послѣдней линіи укрѣпленій.

Въ заключеніе авторъ замѣчаетъ, что значеніе крѣпостей вообще, въ настоящее время, нисколько не уменьшилось, что въ особенности доказывается примѣромъ Страсбурга, крѣпости старой, недостаточно снабженной и плохо защищаемой, и все таки оттянувшей значительныя силы непріятеля отъ главнаго театра военныхъ дѣйствій. Не надо только забывать старой истины: не стѣны составляютъ силу крѣпости, а духъ ея защитниковъ.

Въ 7 и 8 номерахъ «Артилерійскаго Журнала» помѣщена весьма интересная статья, подъ заглавіемъ «Австрійскія полевыя орудія». Дѣло въ томъ, что австрійское военное министерство составило цѣлый рядъ вопросовъ относительно устройства артилеріи и предложило ихъ на обсужденіе особой комисіи, организованной въ 1870 году спеціально для этой цѣли. Указываемая нами статья есть не что иное,

какъ извлеченіе изъ отчета комисіи, приче́мъ надо замѣтить, что вопросы, разрѣшенные комисіею, имѣютъ интересъ не только по отношенію къ австрійской артилеріи, но и для всякаго военнаго человека.

Весьма поучительно то, что комисіа не ограничилась простымъ отвѣтомъ на предложенные ей вопросы, но сочла необходимымъ, въ своемъ заключительномъ отчетѣ военному министерству, указать и на тѣ пути, которыми она добыла эти результаты. обстоятельное изложеніе всего хода занятій комисіи можетъ одно раскрыть совершенную рациональность ея дѣйствій и безпристрастіе рѣшеній. Такой добросовѣтный трудъ былъ предпринятъ комисіею съ тою цѣлью отчасти, чтобы объяснить публикѣ и войску, въ какомъ состояніи находится австрійская полевая артилерія, потому что военнымъ министерствомъ было заявлено: «что частью вслѣдствіе журнальных статей, частью вслѣдствіе результатовъ, получаемыхъ при учебной артилерійской практикѣ, возникли разныя сомнѣнія на счетъ достоинства системы полевыхъ орудій, принятыхъ императорскою артилеріею, сомнѣнія, распространяющіяся повсюду и способныя поколебать довѣріе арміи къ одному изъ главныхъ родовъ оружія».

Работы комисіи состояли въ теоретическомъ сравненіи австрійской полевой артилеріи съ артилеріею другихъ государствъ, въ собраніи матеріаловъ изъ опытовъ 1859, 64 и 66 годовъ, въ теоретическомъ опредѣленіи того, что именно требуется такткою отъ полевыхъ орудій, и въ предпріятіи ряда опытовъ съ цѣлью повѣрки выводовъ, основанныхъ на теоретическихъ соображеніяхъ. Эти послѣдніе опыты выразились въ обширныхъ таблицахъ, могущихъ служить превосходнымъ матеріаломъ для рѣшенія нѣкоторыхъ вопросовъ.

Считае́мъ полезнымъ познакомить читателей съ отвѣтными заключеніями комисіи, выведенными на основаніи прежнихъ данныхъ, спорныхъ мнѣній и практически добытыхъ результатовъ.

По первому вопросу: удовлетворяетъ ли гранатный выстрѣлъ австрійскихъ наръзныхъ 4-хъ и 8-фунтовыхъ пушекъ настоящимъ тактическимъ требованіямъ, при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ, комисіа отвѣчала слѣдующее:

Гранаты удовлетворительны относительно дальности полета и жѣсткости стрѣльбы; но онѣ не обладаютъ въ дѣйствительности тѣмъ разрывнымъ дѣйствіемъ, которое ожидалось отъ нихъ, и въ особенноти равномерностію дѣйствія, которая могла бы служить постояннымъ ручательствомъ за успѣшность ихъ примѣненія. Съ другой стороны, простота и полная безопасность обращенія съ этими сна-

рядами, а также сильное моральное дѣйствіе, производимое ими на войска, и легкость наблюденія за паденіемъ снарядовъ, даетъ имъ большое преимущество. Картечныя гранаты далеко превосходятъ обыкновенныя въ дѣйствіи, какъ по разсыпному, такъ и по сомкнутому строю, но за то слѣдуетъ за паденіемъ первыхъ гораздо труднѣе, нежели вторыхъ. На этомъ основаніи, комисія рекомендуетъ стрѣлять обыкновенными гранатами на дистанціи болѣе 1,800 шаговъ.

При стрѣльбѣ съ дистанцій отъ 400 до 1,000 шаговъ, дѣйствіе картечныхъ гранатъ далеко превосходитъ всякое дѣйствіе картежей.

Комисія замѣчаетъ, что хорошихъ результатовъ, при дѣйствіи изъ этихъ орудій, можно достигъ при хорошемъ обращеніи съ ними и при умѣньѣ вѣрно опредѣлять дистанціи.

По новѣйшимъ изслѣдованіямъ оказывается, что на дистанціяхъ въ 3,000 шаговъ становится невозможнымъ сколько-нибудь точное наблюденіе за дѣйствіемъ снарядовъ, даже при помощи вооруженнаго глаза, между тѣмъ какъ, въ то же время, вѣроятность стрѣльбы значительно уменьшается, поражаемое пространство весьма сокращается, а разрывное дѣйствіе снарядовъ 'испадаетъ до минимума.

Съ тактической точки зрѣнія, стрѣльба съ дистанціи свыше 2,000 шаговъ требуется лишь въ исключительныхъ случаяхъ и рѣдко является безусловно-необходимой. Съ другой стороны, ружейный огонь такъ силенъ въ настоящее время, что батареи не могутъ открыто приближаться на 600 и даже 800 шаговъ.

На вопросъ министерства, не оказывается-ли необходимымъ приступить немедленно къ усовершенствованіямъ настоящей австрійской системы, комисія отвѣчала:

«Относительно вѣрности стрѣльбы, австрійскія полевые орудія не уступаютъ заряжающимся съ казенной части на столько, чтобы обуславливать немедленную перемѣну системы».

«Находя желательнымъ усовершенствованіе гранатныхъ трубокъ относительно точности и быстроты ихъ дѣйствія, комисія не признаетъ, однако, полевымъ переходомъ къ системѣ ударныхъ трубокъ (Percussions-Zünder) и находитъ число заглохшихъ снарядовъ при опытахъ (5%) не столько значительнымъ, чтобы изъ него можно было заключить о положительной невыгодѣ употребленія настоящихъ трубокъ».

Въ числѣ вопросовъ, предложенныхъ министерствомъ, находится также весьма интересный вопросъ о картежи. Извѣстно, что одинъ изъ существенныхъ недостатковъ наръзныхъ орудій состоитъ въ нич-

тожности картечного огня, который имѣлъ такое важное значеніе при гладкостѣнной артилеріи. Поставивъ этотъ вопросъ, министерство ждало знать, не требуетъ-ли этотъ недостатокъ существеннаго измѣненія системы и не надо-ли приступить къ нему немедленно.

Вотъ отвѣтъ комисіи: «Изъ произведенныхъ опытовъ оказывается, что *каждый* картечный выстрѣлъ гадателенъ, и что для достиженія удовлетворительныхъ результатовъ этого рода стрѣльбою требуется грунтъ ровный, по преимуществу твердый».

«Изъ тѣхъ же опытовъ видно, что нарезныя орудія могутъ не уступать гладкостѣннымъ въ дѣйствіи картечью, и что быстрота стрѣльбы и удобство обращенія съ этимъ снарядомъ одинаковы въ обоихъ родахъ орудій».

«Наконецъ, опыты показали, что дѣйствіе *всякаго* рода картечныхъ снарядовъ весьма незначительно свыше 400 шаговъ. Такимъ образомъ, и тѣ и другія орудія не обладаютъ картечнымъ выстрѣломъ, отвѣчающимъ требованіямъ новѣйшей тактики, т. е. дѣйствительнымъ до 1,000 шаговъ. Но такъ какъ нарезныя орудія, на малыхъ дистанціяхъ, дѣйствуютъ картечью удовлетворительно, а на большихъ обладаютъ *сильнымъ* ~~жестокимъ~~ *картечнымъ* ~~дрянать~~ *дрянать*, то комисія полагаетъ, что всякое измѣненіе системы, идущее въ виду картечное дѣйствіе, *положительно излишне*».

Въ заключеніе, приведемъ мнѣніе комисіи *о скорострѣльныхъ орудіяхъ*. Принимая въ соображеніе всю пользу такого картечнаго выстрѣла, который поражалъ бы на 1,000 шаговъ все подлежащее пространство, комисія замѣчаетъ, что такъ называемыя *органныя* орудія, хотя и не могутъ вполне замѣнить картечнаго огня, однако стрѣляютъ на 1,000 шаговъ съ большою точностью. Если же непріятель обладаетъ такого рода орудіями, то необходимо тоже имѣть ихъ, хотя бы ради одного нравственнаго вліянія. На этомъ основаніи, комисія заявляетъ о необходимости опытовъ и изысканій по этому предмету, съ цѣлью *немедленно* введенія органическихъ орудій въ австрійскую артилерію.

На первый разъ, предполагается составить изъ картечницъ 4-орудійныя батареи, которыя причислятъ къ дивизионной артилеріи. Эти батареи могутъ употребляться, по указанію дивизионнаго командира, тамъ, гдѣ потребуются особенно сильный артилерійскій огонь. Найденно также полезнымъ маскировать картечницы войсками или мѣстными закрытіями, внезапно обнаруживая орудія, когда то потребуется.

Здѣсь встаетъ замѣтить, что австрійское военное министерство, т. LXXXII. Отд. II.

лѣтомъ нынѣшняго года, приняло уже окончательное рѣшеніе и вводитъ у себя орудія системы Кристофъ-Монтинья, съ многочисленными усовершенствованіями, найденными полезными для нихъ техническимъ артилерійскимъ военнымъ комитетомъ.

Отчетъ комисіи кончается тѣмъ, что австрійская полевая артилерія удовлетворительна во всѣхъ отношеніяхъ. «Артилерія можетъ съ полнымъ спокойствіемъ выступать въ поле съ такимъ орудіемъ, принимать бой съ какою бы то ни было изъ полевыхъ системъ и удовлетворять всѣмъ тактическимъ требованіямъ, не выходящимъ изъ разумныхъ предѣловъ».

Познакомивъ читателей съ разобраннѣмъ нами отчетомъ, составляющимъ добросовѣстный трудъ въ техническомъ отношеніи, укажемъ также на путь, избранный военнымъ министерствомъ для разъясненія публикѣ вопроса, мало ей извѣстнаго, но, вѣсть съ тѣмъ, крайне интереснаго для всѣхъ слоевъ общества.

***

Studien über Frankreich. Berlin, 1871. (Очерки Франціи. Берлинъ, 1871).

Быстрое уничтоженіе нѣсколькихъ французскихъ армій; тупое равнодушіе народа при внезапномъ паденіи наполеоновской династіи; продолжительное сопротивленіе Парижа; скорое сформированіе новыхъ боевыхъ силъ; борьба за республику, нимаю не желаемую въ наибольшей части страны—все это такія противорѣчія, надъ которыми неразъ призадумается историкъ. Въ началѣ 1870 года обнаруживались повсюду презрѣніе и ненависть къ Наполеону III, а вскорѣ потомъ плебисцитъ далъ ему семь миліоновъ голосовъ, которыми бывший цесарь Франціи былъ обязанъ крестьянамъ и буржуа, вѣровавшимъ, что имперія есть миръ, что она защититъ ихъ отъ опасностей соціальной республики. Когда же лѣтомъ того года вспыхнула война, вся Франція, казалось, возликовала. Но это только *казалось*: войнцы желали отчасти слуги правительства, отчасти экзальтированные журналисты; масса, напротивъ, едва пошевелилась: она ожидала войны такой, какою была въ Италіи или въ Крыму, т. е. войны, которую вело войско, но которая слабо влияла на интересы сельскаго люда. Донесенія губернаторовъ (префектовъ), вполнѣдствіи обнародованныя, ничего не значать: они доносили правительству лишь то, что правительство желало слышать, т. е. что война отвѣчала требованіямъ страны. Но едва Наполеонъ сдѣлся въ

плѣтъ, едва Евгенія и императорскій принцъ бѣжали въ Англію, французы разразились злораднымъ смѣхомъ; даже позоръ арміи и паденіе человѣка, ими избраннаго и господствовавшаго надъ ними двадцать лѣтъ, не тронули массы народа, а политически-чуткіе кружки въ Парижѣ и въ большихъ провинціальныхъ городахъ скоро забыли все отъ радости предъ республикою, которая, однако, была провозглашена весьма и весьма немногими коноводами, да и въ числѣ этихъ немногихъ многіе вовсе не были республиканцами, какъ, на примѣръ, генераль Трошю.... Но Франція безмолвно повиновалась данному изъ Парижа толчку.... Комитетъ національной обороны опредѣлилъ начать народную войну, создать новыя арміи; но страна укорстовала въ своемъ равнодушіи до тѣхъ поръ, пока, 9-го октября, Гамбета не явился въ Туръ. Тогда арміи выросли будто изъ земли, и дрались, подъ-часъ самоотверженно, за республику и за Францію. Послѣ паденія Парижа и заключенія перемирія, Франція выбрала собраніе, въ которомъ хотя и преобладало мирное и монархическое настроеніе, однако, руководимое старымъ орлеанистомъ Тьеромъ, оно рѣшилось сохранить до времени республику. Затѣмъ Парижъ сдѣлался добычею самаго дикаго владычества черни, и почти два миліона жителей подчинились безъ сопротивленія игу вооруженнаго пролетаріата, шайкѣ проходивцевъ и изступленныхъ социалистовъ.

Подобныя явленія, повторявшіяся во Франціи въ теченіе восьмидесяти лѣтъ, обуславливаются не ошибками отдѣльныхъ личностей, не промахами правительствъ: они могутъ быть объяснены только исторіей, національнымъ характеромъ, государственнымъ учрежденіемъ и тѣмъ социальнымъ положеніемъ, въ которомъ характеръ народа отпечатывается такъ, какъ развиваетъ его исторія.

Представять въ сжатомъ очеркѣ причины такихъ явленій—было цѣлю брошюры подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ, напечатанной въ особомъ прибавленіи къ берлинской военной газетѣ «Militair-Wochenblatt». Авторъ ея, участвовавшій въ минувшей войнѣ, внимательно изучалъ Францію и французовъ, и, къ чести его должно сказать, проявилъ въ своихъ мнѣніяхъ и сужденіяхъ правдивость и безпристрастіе относительно націи, противъ которой сражался.

Прежде всего онъ обращаетъ вниманіе на національный характеръ французовъ и спрашиваетъ: «та необыкновенная духовная восприимчивость, быстро восторгающаяся политическими идеалами, тотъ героизмъ, та полная самоотверженія любовь къ отечеству, которою въ теченіе вѣковъ славилась французы, все это обнаружилось-ли

въ послѣднюю войну? или же французъ, какъ сказалъ Вольтеръ, и до сихъ поръ полу-тигръ, полу-обезьяна? таковъ-ли французскій чернорабочій, крестьянинъ, мелкій швочникъ (*crisier*), фабрикантъ и ремесленникъ, у которыхъ мы брали скотъ, въ постѣлахъ которыхъ мы спали, которые варили намъ супъ и жарили куръ, которые выставляли нашей арміи неогнѣнное множество подводъ, подчинялись такому репривизицизму и безусловно платили побѣжденному непріятелю подати и контрибуціи?... Наме (т. е. французское) ходячее возрѣніе на французскій національный характеръ совершенно можно. Мы прежде всего видимъ парижанина, а въ Парижѣ тысячу его тысячъ человекъ, которые финансируютъ на улицахъ, толкуются въ общественныхъ мѣстахъ, шумятъ, болтаютъ, вѣчно подвыпины, часто остроумны, большею же частію вѣтрыны и принадлежатъ во всемъ національностямъ. Потому мы обращаемъ вниманіе на знатныхъ и незначитныхъ представителей мировой столицы, основываясь своимъ сужденіемъ на газетныхъ статьяхъ, на театральныхъ представленіяхъ, на тѣхъ произведеніяхъ литературы, которыя сами читаемъ: на Дюма-отца и сына, на Сю и даже на Фейдо!... Варафты же, Токвили, Вильсоны и Тьеры у насъ едва известны большинству; но крайней мѣрѣ ихъ не читаютъ».

Но одни иностранцы, но и сами французы впадаютъ въ такую же ошибку. Говоря о Франціи, они разумѣютъ Парижъ. «Франція — страна, определяемая преимущественно силою воображенія: она выступаетъ повсюду и господствуетъ надъ умами», говоритъ Тимонъ-Вормоненъ. «Нація вѣтрына (*étourdie*), хочетъ быть вѣчно занятою и ослабляемому зрѣніемъ великихъ подвиговъ». Это справедливо только въ отношеніи той части образованнаго населенія большихъ городовъ, которая занимается политикою; представителями ея служатъ, обыкновенно, молодые люди — фразеры, съ напускнымъ энтузіазмомъ, съ искусственною (*façtice*) страстностію. «*Se payer de mots*» — самое мѣткое для того выраженіе. Даже въ Парижѣ преобладаетъ число такихъ солидныхъ мелкихъ лабочниковъ, которые прилежно работаютъ для того, чтобы поскорѣе удалиться отъ дѣла (быть *gentier*), но для которыхъ не существуютъ политическіе интересы. То же самое и въ немногихъ большихъ провинціальныхъ городахъ, а въ городишкахъ и въ деревняхъ таковы все безъ исключенія: здѣсь французъ заботится только о себѣ и о своемъ домѣ, о своей семьѣ, о своей общинѣ; онъ хочетъ приобретать, не работая услаженно, хочетъ хорошо жить, не мотая; надъ нимъ безраздѣльно господствуютъ индивидуализмъ и личные интересы, то, что фран-

цумъ называютъ l'esprit de clocher. Это изъ возвращающихся въ страну французозъ, въ самой Франціи или внѣ ея, встрѣчалъ натуры энергическія, непоколебимо-твердыя, ясныя, тѣнія, какія попадаются въ Англіи, въ Сѣверной Америкѣ, въ Германіи?... Всякій согладается, что французы люди любознаны, добродушные, остроумные, но они — колюсяки, а не люди твердаго закала, не самодѣятельные граждане, способные управлять собою. Нація же есть сумма особей, и національный характеръ не можетъ выщипать въ себѣ ни одной черты, которая не встрѣчалась бы въ отдѣльныхъ единицахъ.

Такой отазвъ о національномъ характерѣ французозъ можетъ быть подтвержденъ многочисленными цитатами изъ лучшихъ писателей Франціи и многими примѣрами изъ опытовъ послѣдняго времени. Народъ неспособный къ самодѣятельности расслабленъ, отъученъ отъ всякой инициативы централизацией, усиливавшейся послѣ каждой перемѣны династїи и политической формы; при его мягкой, жидкой натурѣ, при его легкоподвижномъ темпераментѣ, въ немъ замерло политическое мужество. Разочаровавшись во всѣхъ политическихъ идеалахъ, безъ дѣянія и вѣрности къ какой-либо династїи, представляющей претендентовъ, масса народа жаждетъ только спокойствія, охраны собственности и личной безопасности.

Въ несчастїю Франціи, ни одна изъ ея политическихъ партій не слыла на столько, чтобы достигнуть прочнаго перевѣса. Въ настоящую минуту замѣтны слѣдующія партїи: легитимисты, орлеанцсты, народоугодники, клерикалы (они вообще монархисты, но подчиняютъ церковному интересу династическій вопросъ), умѣренные республиканцы, радикальные республиканцы. Въ новѣйшее время образовались социалисты и коммунисты, которые, если бы достигли власти, раздробились бы на многія секты и передушили бы другъ друга. Но социалисты и коммунисты, быть можетъ, одни только и вѣруютъ еще въ свои идеалы: фабричный работникъ въ Парижѣ, въ Ліонѣ, въ Реймсѣ и т. д. вѣруетъ, дѣйствительно, въ необходимость создать такой общественный строй, который разомъ урѣшетъ бы съ собою полное наслажденіе всѣми вещественными и духовными благами земди. За это вѣрованіе рабочихъ всегда будетъ драться; но интересъ національный ему невѣдомъ, а еще менѣе заботится о національномъ интересѣ сельское населеніе; то, что въ селянинѣ равнодушїе, безпамятность, то въ рабочемъ сознательное претиворѣчіе.

Индивидуализмъ проявляется и въ коммунальныхъ (общинныхъ) и въ коммунистическихъ стремленїяхъ послѣдней французской революціи: программа коммуны хочетъ уничтожить государство, устранить

всякое правительство и сдѣлать самодержавнымъ каждого единичнаго чловѣка. Существовавшее до сихъ поръ во Франціи византійское ховяйничанье чиновниковъ и неумолимая централизація расшатала государственнй организмъ до того, что атомы сдерживались насильственно только внѣшнимъ механизмомъ, и какъ скоро этотъ механизмъ будетъ разрушенъ, полная свобода единичнаго чловѣка обезпечена; государство, нація распадется на отдѣльныя комунны или даже на единицы.... Такъ разсуждаютъ коммунисты: они хотятъ наспровергнуть государство для того, чтобы ввести деспотическую форму общества, въ которомъ каждому лицу будутъ гарантированы матеріальныя потребности. Последняя цѣль для нихъ не идея государства, національности или свободы, а матеріальное благосостояніе единичнаго лица, то-есть фабричнаго рабочаго въ большихъ городахъ.

Говоря о движеніяхъ во Франціи, влотившихся къ децентрализаціи, къ самоуправленію и къ общинной свободѣ, авторъ ссылается на Токвиля и на его знаменитое сочиненіе «Ancien régime».

Токвиль даетъ о своихъ соотечественникахъ слѣдующій отзывъ: «Разсматривая французскую націю, я не нахожу въ ея исторіи ничего болѣе изумительнаго, какъ она сама. Существовалъ-ли когда на землѣ народъ, столь богатый контрастами; такъ легко переходящій отъ одной крайности къ другой, такъ часто руководимый минутными впечатлѣніями и такъ рѣдко твердыми правилами, и во всѣхъ своихъ вліяніяхъ являвшій себя лучше или хуже, нежели ожидали?... То онъ стоитъ ниже общаго уровня, то опять возвышается надъ нимъ.—народъ, больше всякаго другаго привязанный къ своему домашнему очагу и къ своимъ привычкамъ до тѣхъ поръ, пока предоставленъ самъ себѣ, и готовый идти на край свѣта, отважиться на все, лишь только его насильственно оторвутъ отъ родины и отъ привычекъ.... По своему темпераменту, онъ повинуется неохотно, но подчиняется скорѣе произвольной, даже тиранической власти государя, нежели правильному и свободному правительству своихъ лучшихъ согражданъ.... Сегодня онъ заклятый врагъ всякаго повиновенія, завтра воспламеняется такою страстію служить, какой не достигали даже и способнѣйшія къ рабству націи; онъ позволяетъ водить себя на веревочкѣ, пока никто не сопротивляется, и становится необузданнымъ, лишь только гдѣ-нибудь поданъ примѣръ противодѣйствія.... Властителей своихъ обманываетъ всегда такъ, что его бояться или слишкомъ много, или слишкомъ мало; никогда не свободный въ такой мѣрѣ, чтобы нужно было отказаться порабо-

цать его, и никогда непорабощенный въ такой степени, чтобы не могъ разорвать свои оковы.... Даровитый на все, но отличный только въ войнѣ; страстно преданный больше случаю, власти, успѣху, блеску и шуму, нежели истинной славѣ; надѣленный больше геройскимъ духомъ, нежели добродѣтелью, больше гениемъ, нежели здравымъ умомъ; способный скорѣе на громадныя предначертанія, нежели на всестороннее исполненіе великихъ предпріятей.... Блестательнѣйшая и опаснѣйшая нація въ Европѣ, предназначенная быть для всѣхъ другихъ попеременно предметомъ удивленія, ненависти, сожалѣнія, страха, но иногда равнодушія».

Этотъ мастерской очеркъ написанъ слишкомъ скорогъ лѣтъ тому назадъ, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ наполеоновскихъ походовъ. Съ тѣхъ поръ Франція пережила революцію 1848 года, имперію и войну 1870 — 1871 года. Это прослѣдить внимательно за всѣми мѣтательствами, испытанными французскимъ народомъ въ теченіе девяноста лѣтъ, тотъ убѣдится, что движеніе всегда шло отъ ничтожнаго меньшинства и что причина всѣхъ безпрестанныхъ переворотовъ гаятся не въ духовной живости націи, а въ ея малодушіи и въ политической лѣни. Кому-нибудь въ семействѣ, въ общинѣ, въ губерніи (департаментѣ), въ государствѣ *вздумается* объявить себя господиномъ, тотъ и будетъ командовать; но прежде всего это будетъ чиновникъ, employé—существо на столько же дерзкое и омерзительное, на сколько французъ вообще любезенъ и милъ.

«То, что французы терпятъ отъ надменности и деспотизма служащихъ при желѣзныхъ дорогахъ, на линіяхъ омнибусовъ, въ разныхъ административныхъ вѣдомствахъ, того не стерпѣлъ бы ни одинъ нѣмецъ», говорить прусскій офицеръ. «А такихъ чиновниковъ государство имѣетъ, по французскимъ показаніямъ, до *пяти сотъ тысячъ*.... Одинъ почтенный меръ въ Арденнахъ, отецъ своей общины, ссказалъ мнѣ:—«Франція тѣмъ и несчастна, что во всякой общинѣ одинъ или два самыхъ дурныхъ члена могутъ присвоить себѣ власть и тиранствовать надъ всѣми прочими». — «Зачѣмъ же *если* вы терпите это», спросилъ я. — «Ah, on pourrait subir des inconveniens assez graves» («чтобы не было хуже»).... Пожалуй, что и такъ».

Въ 1789—92 годахъ нація пребывала въ возбужденно-лихорадочномъ состояніи; тогда волновался *весь* народъ и рѣшительно не существовало контраста между городомъ и деревнею, столь явнаго въ нынѣшней Франціи. Неистовства комуны въ Парижѣ и смуты въ Ліонѣ и въ Марсели даютъ понятіе о терроризмѣ 1793 и 1794 годовъ;

но масса народа отнюдь не одобряла тѣхъ мерзостей, которыми отличился комитетъ благоденствія со своими клевретами, а когда злодѣи, подобные Колло д'Эрбоа и Карьеру, были посланы въ большіе города (въ Лионъ, въ Нантъ), соединились тамъ съ отдѣленіями якобинскаго клуба, вооружили пиками голодныхъ пролетаріевъ и каторжниковъ, народъ, изнѣженный, разслабленный продолжительною централизациею и абсолютизмомъ, смотрѣлъ въ бездѣйтельномъ страхѣ на всѣ ужасы.... То, что было въ прошломъ вѣкѣ, то повторилось и въ наши дни въ Лионѣ и въ Парижѣ.

Весь позднѣйшій рядъ революцій и реакцій, 18-е брюмера, заговоръ Малле, воцареніе Людовика XVIII, бѣгство Наполеона съ острова Эльбы, июльская и февральская революціи, государственный переворотъ Луи-Наполеона, революція 4-го сентября, диктатура Гамбетты—все это было дѣломъ немногихъ личностей: нація только повиновалась безмолвно.

Жоржъ-Сандъ, развѣзжавшая во время войны по тѣмъ департаментамъ, гдѣ происходили военныя дѣйствія, пишетъ въ своемъ дневникѣ отъ 4-го ноября 1870 года:

«Во многихъ письмахъ мною получаемыхъ, въ словахъ мною слышимыхъ, въ газетахъ мною читаемыхъ, преобладаетъ экзальтація—признакъ плохой, по моему мнѣнію. Экзальтація есть состояніе исключительное, за которымъ неизбежно слѣдуетъ реакція величайшаго унынія. Вызываютъ воспоминанія 1792 года, вызываютъ чересчуръ усердно, но вызываютъ ихъ несправедливо. Нынешнее положеніе—прямая противоположность тогдашнему. Народъ хотѣлъ тогда войны и республики; нынѣ онъ не хотѣтъ ни той, ни другой. Города и деревни шли тогда объ-руку; нынѣ деревни протестуютъ сама по себѣ, и наиболее пылкій городской народъ не влияетъ на нее ни въ какомъ смыслѣ: въ этомъ отношеніи мы уже далеко отъ 1848 года, а еще дальше отъ 1792.... О нынѣшнихъ республиканцахъ можно сказать то же, что было сказано о роялистахъ времени реставраціи: «они ничему не научились и ничего не забыли»....

О сельскомъ сословіи и о томъ употребленіи, которое оно дѣлаетъ изъ общаго права подавать голосъ (*suffrage universel*), Жоржъ-Сандъ говоритъ:

«Можно было думать, и думали, что невѣжественное сельское населеніе будетъ выбирать исключительно изъ своей среды неспособныхъ представителей своихъ *мѣстныхъ* интересовъ. Оно поступило наоборотъ: выбрало неспособныхъ представителей своихъ *общихъ* интересовъ. Оно всегда подавало голосъ за порядокъ, за миръ, за

гарантию труда. Его обманули; ему дали противное тому, чего оно требовало: то, что оно считало голосомъ въ пользу мира, оказалось голосомъ въ пользу войны. Если бы Жакъ Бономъ (французскій крестьянинъ) имѣлъ вѣрный органъ своихъ идей, токъ что онъ сказалъ бы: «Я державный народъ (peuple souverain) первой республики, и въ то же время, имперіалюстскій народъ (peuple impérialiste) второй имперіи. Вы (городскіе республиканцы) думаете, что я переѣхался; нѣтъ: переѣхались вы. Намъ сказали: «имперія есть миръ», и мы подали голосъ за имперію. Устройте такъ, чтобы дѣло сказалося въ вашу пользу, и мы вернемся къ вамъ....» Крестьянинъ вѣрить только въ дѣло, въ фактъ. Десять лѣтъ матеріальнаго благоденствія и спокойствія дадутъ ему оцѣнку хорошаго правленія. «Оставьте мнѣ мое поле», говоритъ онъ: «я ничего отъ васъ не требую», и охотно уклоняется отъ содѣйствія и сосредоточенія науки; онъ не отвергаетъ ихъ, но хочетъ самъ, потихоньку, совершить свой относительный прогрессъ. Никогда нельзя такъ легко управлять, какъ французскіи крестьянчюкъ, и никто такъ не упрякъ въ своихъ убѣжденіяхъ, какъ онъ. *Его идеалъ—если только у него найдется идеалъ—есть индивидуализмъ, доведенный до послѣдней крайности*, и такъ будетъ еще долго.... А индивидуализмъ есть живая преграда быстрому прогрессу.... Грубости его наклонностей мы обязаны замѣчательнымъ упадкомъ, происшедшимъ въ послѣднее двадцатилѣтіе особенно въ нашемъ моральномъ быту».

21-го декабря 1870 года Жоржъ-Сандъ записала въ своемъ дневникѣ: «Въ эту минуту, народъ не проявляетъ героизма; онъ жаждетъ мира; у него нѣтъ охоты понимать славу; въ некоторыхъ случаяхъ онъ извѣщаетъ патриотизму, и могъ бы представить много оправданій тамъ, гдѣ *отсутствіе дисциплины между войсками и хищничества вольныхъ отрядовъ (cours francs) сдѣлали для него обороту столько же убыточною какъ и вторженіе, но больше не жели вторженіе раздражили его....* Вообще крестьянинъ порицаетъ упорство, съ которымъ мы стараемся спасти честь: онъ желалъ бы, чтобы Парижъ сдался; *онъ видитъ въ патриотизмѣ помеху миру....* Бѣдный Жакъ Бономъ! въ этотъ часъ горя и разоренія ты, конечно, раздраженъ противъ энтузіазма, и если бы сегодня тебя призывали хотировать, то ты не подвалъ бы голоса ни за имперію, затѣвавшую эту войну, ни за республику, ее продолжающую».

Пруссійскій офицеръ прибавляетъ, что тотъ, кто въ послѣднюю войну имѣлъ случай жить среди сельскаго населенія, можетъ только подтвердить справедливость словъ Жоржа Санда, словъ тѣхъ болѣе

замѣчательныхъ, что Жоржъ-Сандъ весьма сурово осуждаетъ германскій, и особенно прусскій образъ веденія войны, что она всецѣло проникнута республиканскими симпатіями и не отрицаетъ только фанты ее окружающіе.

Если французскій крестьянинъ, подобно брашцинству городскихъ жителей, живетъ такъ апатично, въ тѣсномъ кругу семейнаго интереса, матеріальнаго стѣснанія, то и онъ, и буржуа обязаны тѣмъ губительному вліанію демократіи. «Демократія, какъ всеокрушающій потокъ, обрушилась на народъ, въ которомъ трехвѣковая деспотическая централизація умертвила всякую самостоятельность, всякую энергію и силу характера. Революція принесла французамъ не свободу, не самопознаніе, а только равенство». Такиа послѣдствія побѣды демократіи въ народѣ централизованномъ, неспособномъ къ самоуправленію Токиль предсказалъ въ своемъ сочиненіи «De la démocratie en Amérique»:

Итакъ, индивидуализмъ, въ которомъ Жоржъ-Сандъ обвиняетъ французскій народъ и который Токиль, еще за полвѣка, предвидѣлъ, какъ неизбежное послѣдствіе равенства, и деспотической централизаціи, былъ пособникомъ при всѣхъ мѣнявшихся династіяхъ и при всѣхъ революціяхъ.

Есть въ книгѣ Сарсе «Siège de Paris» мѣсто, доказывающее, что и парижане мыслили и чувствовали одинаково съ сельскимъ населеніемъ. Утромъ 1-го января 1871 года Сарсе рисуетъ общую таксу парижанъ по женамъ и дѣтямъ, которыхъ въ другое время они и знать не хотѣли, благодаря «беззаботной философіи, составляющей основу національнаго характера» (cette insouciance philosophique qui est le fond de notre caractère national). Но праздничный день вызываетъ всѣ воспоминанія. «Когда же кончится эта проклятая война?» И, слыша подобныя жаобы дѣтей, Сарсе воспламеняется гѣвомъ и ругаетъ нѣмцевъ-побѣдителей: «Презрѣнныя! гунны! варвары! вы отняли у насъ все; мы уничтожены, заморены голодомъ, скоро будемъ бомбардированы, и мы либѣмъ право отъ души ненавидѣть васъ. И, однакожь, всѣ эти злосчастія, всѣ ваши хищничества и убійства, разграбленіе нашихъ городовъ, вашу измѣну (?), ваша тупая безроты, мы, быть можетъ, простили бы вамъ.... Французская раса вѣдь добродушна (elle est si bonne enfant cette race française).... Но мы никогда не забудемъ дня новаго года, проведеннаго безъ семьи, безъ извѣстій, этого грустнаго дня безъ поцѣлуя жены, безъ смѣха бѣлокураго малютки....» Нѣтъ спора, что въ этихъ словахъ высказывается искреннее семейное чувство, и настро-

еніе большинства французовъ, конечно, могло быть таимъ въ то утро; но если въ столь грозную минуту и судьба отечества, и уничтоженіе арміи, и весь предстоящій ужасъ могли уступать мѣсто *идиллическимъ* мечтаніямъ, то это несомнѣнно указываетъ на отсутствіе національнаго чувства, на преобладаніе индивидуализма....

Послѣ общаго оцѣнки національнаго характера, авторъ дѣлаетъ попытку изобразить характеръ индивидуальности, повзвастъ, какъ индивидуализмъ, недостатокъ патриотическаго чувства, силы и энергіи характера, проявляются въ жизни семейной, въ общинѣ, въ отношеніяхъ школы, церкви, государства и арміи. Онъ говоритъ: «Безпристрастный наблюдатель народной жизни во Франціи найдетъ много почтенныхъ и любезныхъ сторонъ въ ея характерѣ, кое-что достойное подражанія въ нравахъ; но все это касается единицъ и отношеній ихъ къ семьѣ, къ занятіямъ, къ общинѣ. Ничто такъ неосновательно, какъ притязаніе французовъ быть «великою націей», или *grande nation*. Если подъ отечественнѣе должно разумѣть болѣе нежели землю — французъ любить родину и несомнѣнно оставляетъ ее — то можно спросить: действительно-ли французскій крестьянинъ и мелкій буржуа имѣютъ идеальное отечество? Не словамъ Жоржа Санда, присушій каждому французу идеализмъ состоитъ въ желаніи, чтобы «сначала все было хорошо, потомъ лучше, и всегда лучше» (*de vouloir être bien d'abord, mieux ensuite et toujours mieux*)....» Авторъ сознается, что путешественнику трудно судить правильно о семейной жизни народа, что романы и комедіи представляютъ часто болѣе вѣрную картину, чѣмъ отдѣльные примѣры, зачаточные бѣглыя наблюденія. Напротивъ война, какъ ни покажется это парадоксальнымъ, даетъ лучшіе случаи проникать въ тайны семейнаго быта: живешь по цѣлымъ недѣлямъ съ крестьянами, съ фабрикантами, съ помѣщиками, ѣшь за однимъ съ ними столомъ, часто раздѣляешь ихъ семейную жизнь, въ домашности, видишь ихъ по крайней мѣрѣ, прямо.

Зачѣтательнѣе всего положеніе женщины во Франціи. Гражданская эманципація здѣсь, болѣею частью, начата; но и мало-энергичный характеръ мужчинъ легко превѣсь за живымъ темпераментомъ женщины. Въ характерѣ французовъ, какъ и поляковъ, есть много женственнаго. Сарсе замѣляетъ, въ своемъ описаніи осады Париза, что женщины изъ среды мелкой буржуазіи показали себя рѣшительнѣе мужей. «На женахъ лежало самое тяжелое бремя. Онѣ заведывали домашнимъ хозяйствомъ, должны были «дѣлать хвостъ» у мясниковъ, у лавочниковъ, у народныхъ кухонъ, отдавали

кусочек мяса, добытый съ большими трудомъ, муку, вымачивая съ дѣтми въ, вдобавокъ, стараясь еще развеселить грустный домашній очагъ. Какое сокровище преданности, единоотверженія и моральной силы таится въ сердцѣ женщины Франціи, если только сумѣютъ затронуть настоящую струну! Одни верхніе слои общества были испорчены роскошью, извѣщаностію и бандавствомъ (*), второй имперіа. По свидѣтельству же прусскаго офицера, французскія женщины проявляли большее чѣмъ мужчины мужество и предъ непріятельскими войсками, именно при занятіи квартиръ или при реквизиціяхъ; иногда отъ скамывали даже англическое сопротивление, тогда какъ мужчины молча сидѣли въ углу. И, наоборотъ, относительно больныхъ и раненыхъ французами были, болѣею частію, сострадательны и заботливы.

Всякій носѣтатель Парижа знаетъ «*salon du comptoir*», величаво воссѣдающую на своемъ тронѣ. Въ мелкихъ торговыхъ заведеніяхъ жена завѣдываетъ продажей и покупкою товара, ведетъ счетныя книги, а «*товарищъ*» работаетъ усердно въ задней комнатѣ. Между вассирами на желѣзныхъ дорогахъ, въ банковскихъ контрактахъ, въ «*бигеан да табасъ*», также встрѣчается большею частію чѣмъ мужчины. Жены, даже дѣланы весьма нѣредко сами управляютъ фабриками и имѣніями. Это есть, болѣею частію, результатъ наследственнаго права по кодексу Наполеона I, основанному преимущественно на законодательствѣ 1792—1793 годовъ и это-то наследственное право воедѣствовало на взаимныя отношенія супруговъ, дѣтей и родителей. По точному смыслу Наполеонова кодекса, отецъ или мать обязаны поровну распределять свое имущество между всеми дѣтми, не отдавая предпочтенія никому. Исключенія допущены только въ случаяхъ важныхъ преступленій. Такого же рода имѣлъ, между прочимъ, послѣдствіемъ большую подвижность всякой собственности, т. е. легкости приобретать земли, дома, фабрики, заводы и т. д., что, съ одной стороны, привязываетъ француза къ родинѣ, даетъ и малымъ состояніямъ случай покупать клочки земли, домъ, а во Франціи земля только и помышляетъ о томъ, какъ бы обезвѣстись дощникомъ и садомъ. Но, въ другомъ отношеніи, является тутъ и болѣею недостатокъ: послѣ смерти владельца, его недвижимое имущество должно быть продано, заводъ или фабрика закрыты, чтобы вырученныя продажей деньги раздѣлить по-

(*). Наметь на извѣстную комедію «*la famille Benoiton*», въ которой воспроизведены нравы общества, созданнаго растлывающимъ вліяніемъ бонапартовскаго владычества.

ровну между дѣлами. Оттого во Франціи, чрезъ шестидесять двѣдцать лѣтъ, преемствѣ вообще передвѣжающаго имущество изъ рукъ въ руки. Многие французы видятъ въ подобномъ отношеніи о чрезвычайной глубокую причину революціоннаго дуна въ своемъ отечествѣ, ослабленіи основнаго союза, колебанія вслѣдствіе власти, такъ какъ республиканская власть, основа вслѣдствіе другой, веденныя ея законы. Въ высшій дѣлѣмъ они очень широкі, и вѣдены, что обуславливаютъ ихъ, да и вообще они слабы во всемъ дѣлѣмъ. Матери серьезно и отрезанъ. Полузрелый сынъ получаетъ слишкомъ рано, какъ и въ Америкѣ, самостоятельное поведеніе, особенно въ богатыхъ семействахъ; отецъ какъ бы добровольно отрывается отъ власти надъ нимъ, и въ отечествѣ-то вѣраетъ молодой французъ влѣсти до крайности непривлекательнаго. «Le petit stécher», выведенный въ некоторыя поведенія—являющіе старательность—суть пороченіе много воспитанія; но подобныя личности вѣрѣются только въ большіяхъ городахъ: сельское население и молки буржуазія, къ своему отечеству, еще не знаютъ иной жизни.

Но самымъ авторомъ, чувствительность французскія также могла содѣйствовать тому, что женщины занимающаго преобладающее поленіе. А что до супружеской вѣрности, то авторъ не сомнѣвается провозносить приговора по этому вопросу: «я не имѣю никакихъ данныхъ, которыя упомоществовали бы чему-либо прийти къ выводу, что нравственность сельскаго и городского населенія своимъ во Франціи нѣмѣ чѣмъ въ Германіи; только несправедливость можетъ не признавать, что поведеніе французскихъ женщинъ относительно необходимого непрители само вышай благородно». Авторъ прибавляетъ, что французы живутъ, большею частію, скромно, бережливо и могутъ быть названы хорошими экономистами. Потребная потребность въ бѣдѣ и неспособность къ ней способность завладѣвать ихъ часто въ кафе, гдѣ они играютъ въ домино, пьютъ кофе съ лимонадомъ, а больше всего боятся; вѣдѣть не такъ мало. Точно также и дома французъ видятъ, болѣе, съ женою у женщины или въ клубѣ у мужа, гдѣ иногда даже занятіе и образованные люди играютъ упрямый кофе. «Я стараясь, замечаетъ авторъ, «рельефное начертать портретъ: французъ, дѣйствительно, является въ видѣ флягстера; онъ иррационаленъ и пороченъ; работаетъ много и усердно, чтобы впоследствии не работать ничего, то есть жить бездѣйственно въ своемъ маленькомъ помѣсть или на своей подгородной дачѣ. Въ этомъ отношеніи, французъ истинная противоположность англо-американцу: французъ любить не свайный трудъ, но приобретенное трудомъ, и любовь къ труду и есть отличительный признакъ солидныхъ шатуръ. Индивидуализмъ, l'individualité

clocher, ограниченность умственного горизонта, уязвимость, но не холодность сердца—таковы характеристическія свойства французскаго филістера. Когда наши баталіоны, во время перемирія, переходили через деревни съ пѣснями и съ музыкой, мужчины и женщины стояли у дверей своихъ домовъ и заставляли дѣтей на рукахъ подпрыгивать подъ музыку; женщины, смѣясь, отвѣчали на наши привѣтствія, а мужчины, съ коротенькою трубкою въ зубахъ и нахлобучивъ на уши свой синій колпакъ, оставались совершенно равнодушными зрителями».

По свидѣтельству автора, чѣмъ болѣе изучаешь французовъ, тѣмъ болѣе находишь въ нихъ частію добродѣтели и достойныя уваженія, любезныя черты характера, но тѣмъ менѣе узнаешь ихъ общественныя добродѣтели. Французскій крестьянинъ живъ, веселъ, привѣтливъ, умѣетъ съ удивительнымъ, почти философскимъ тактомъ приравниваться къ неизбежному; старается, доколѣ дѣла идутъ хорошо, уклониться отъ тяжести, налагаемыхъ на него войною; а когда несчастливается, поднимается de bonne grâce, и безъ мысли о мести, необходимости. Этою-то особенностію отличались столько же французскіе солдаты въ Алжирѣ, въ Крымѣ, въ Мексикѣ, сколько и плохе-вооруженные наемники въ арміяхъ Шанзи, Федерба, даже Бурбаки. Они переносили голодъ, холодъ, слудное продовольствіе, небрежную администрацію легче; веселѣе, чѣмъ солдаты большей части другихъ армій.

Замѣчательно заявленіе автора, что нѣмецкіе солдаты были изумлены большіемъ, сравнительно съ Германіей и съ Прусіей, благосостояніемъ Франціи даже послѣ двурока, чумы рогатаго скота и опустошительной войны. Прусскій офицеръ говоритъ не обинуясь, что не немногія области Германіи были бы въ состояніи сдѣлать и вынести то, что сдѣлала и вынесла въ эту войну половина Франціи.

Переходя къ сельской общинѣ, авторъ неставляетъ на видѣ, что эта простѣйшая, почти элементарная форма государственной жизни еще очень сильна во Франціи, но что она легко можетъ повести къ ложному сужденію о способности француза къ самоуправленію. Въ главѣ общины стоитъ выбранный ею и утвержденный правительствомъ мэръ, слушающій безъ жалованья; при немъ, кромѣ помощника, есть общинный совѣтъ, не имѣющій, впрочемъ, никакого значенія, ибо, въ сущности, самъ мэръ не болѣе какъ послушный чиновникъ губернатора или вице-губернатора (префекта или подпрефекта), а губернаторъ или вице-губернаторъ получаетъ приказанія прямо отъ министра. Министры, или, точнѣе, директоры департаментовъ, хотятъ

изъ Парижа не только руководить каждою мелочью через посредство префектовъ, но и распоряжаться всеми мелочами: слѣдуетъ-ли, и какъ слѣдуетъ, поправить крышу на церкви въ какой-нибудь гвардійскомъ селеніи, каковы должны быть размѣры предполагаемой постройки школьной комнаты, надобно-ли перебросить мостъ черезъ какой-нибудь ровъ въ Шампань—все это предписываетъ министръ внутреннихъ дѣлъ и приказываетъ губернаторамъ «приводить въ исполненіе».

До какихъ предѣловъ доходитъ этотъ безмысленный механизмъ, убивающій волю и духъ, можно видѣть изъ книги Одиллона Барро «Centralisation» и изъ сочиненія Рандо «Décadence de la France». Почетнѣйшій членъ общины принимаетъ на себя должность мэра отчасти потому, что хочетъ лучше быть господиномъ въ деревнѣ, чѣмъ имѣть надъ собою господина. Потому что позади мэра и префекта стоитъ всемогущество административной машины, а французъ, по природѣ педантъ, склонный и привыкшій дѣйствовать по рутинѣ и по уставу, легко становится, какъ чиновникъ, на столько же властолюбивымъ и взыскательнымъ, на сколько, въ качествѣ подчиненнаго, онъ послушенъ и гибокъ. Авторъ сознается, впрочемъ, что, въ матеріальномъ отношеніи, такой административный механизмъ принесъ много добра и пользы, и что, вообще, коммунальныя учрежденія во французскихъ селеніяхъ и въ городахъ находятся въ отличномъ состояніи. Въ городахъ значительныхъ общинное управленіе нѣсколько независимѣе отъ правительства, равно и общинный советъ вліятельнѣе. Наполеонъ III неоднократно не утверждалъ непріятныхъ ему выборовъ и самъ назначалъ мэровъ; еще сильнѣе было его косвенное вліяніе на всѣ выборы.

Пассивностію народа, отсутствіемъ въ немъ всякой инициативы, его привычкою дѣйствовать во всѣхъ общественныхъ дѣлахъ только по приказанію, и объясняется то, что Гамбета, въ октябрѣ и въ ноябрѣ 1870 года, могъ вызвать будто изъ-подъ земли цѣлыя арміи, тогда какъ Франція желала мира. Арміи эти созданы были не тѣми немногими честными патріотами или экзальтированными журналистами и политиками по ремеслу, которые въ Бретани, въ Лионѣ и въ Марсели подстрекали къ войнѣ; потому что уже въ декабрѣ, какъ пишетъ Жоржъ Сандъ, народъ вовсе не олицетворялъ собою героями, не обнаруживалъ склонности понимать славу и жаждалъ только мира.

Таково же было настроеніе и подвижныхъ гвардейцевъ, по свѣдѣтельству Сарса: они внезапно были оторваны отъ своихъ работъ, думали, что оставляютъ родину по наибольшей мѣрѣ на двѣ недѣли,

и помышляли только о томъ, какъ бы вернуться въ свои дома, къ своимъ семействамъ, къ своимъ полямъ. Они сердились на парламанъ, закидывая, которыхъ были призваны. Тщательно объясняли имъ, что съ судьбою свободы связано спасеніе Франціи: эта отдаленная идея трогала ихъ больше, чѣмъ родина и переносимыя лишения.

«Стоять только, ожидая бунта въ Парижѣ», говоритъ Рандо, «проткнуть машиниста и схватиться за рукоятку машины, и вся Франція повинуется, безусловно и безпрекословно, легчайшему давленію». Въ этомъ заключается огчисти преобладающее вліяніе Парижа, главной точки крайней централизованной машины, гдѣ сосредоточились богатство, знаніе, сама страна, такъ что адъютантъ Ламуръ еще при Дун-Филиппѣ могъ сказать: «аррѣтахіе аи сентре, парализіе аих ехтѣритѣе» («апоплексія въ центрѣ, параличъ на оконечностяхъ»). Революція 4-го сентября и попытки революціи 31-го октября 1870 года подтверждаютъ то же самое. Рано утромъ послышались звуки гонимыхъ — марши; въ двѣнадцатомъ часу батальоны національной гвардіи двинулись въ ратушѣ. «Знали-ли они зачѣмъ шли? Нѣкоторые, конечно, знали, но громадная масса ничего не вѣдала. *Шли, и она шла, кричала, и она кричала*» (Сарсе). Одинъ бретонскій батальонъ освободилъ почти безъ борьбы задержанныхъ бунтовщиками членовъ правительства, тѣхъ, которымъ вскорѣ потомъ предстоитъ дать огромное большинство въ 340,000 голосовъ противъ 54,000, а на третій день послѣ этого голосованія выбраны были въ мэры и въ помощники мэровъ почти одни матажники 31-го октября, и съ чинами ихъ Делекляузъ.

«При превосходномъ устройствѣ общиннаго управленія даже въ бѣдныхъ деревняхъ, я часто сомнѣвался, говоритъ авторъ, «точно-ли народное образованіе стоитъ во Франціи на весьма низкой ступени. Невѣжество въ исторіи и географіи собственной страны и другихъ государствъ неизменно, даже между людьми образованными; но не менше принимать единственнымъ мѣриломъ образованности и умственныхъ способностей приобретенное въ школѣ знаніе... Французскій крестьянинъ и мелкій буржуа, конечно, очень ограничены и невѣжественны; но кто слытъ въ долъ того или другаго въ оживленную бесѣду, тотъ не назоветъ его круглымъ невѣждою или дуракомъ...» Самое школьное обученіе, по заявленію автора, не стоитъ въ вѣсровосточныхъ департаментахъ такъ далеко позади пѣмецкаго, такъ думаютъ въ Германіи; оно поднялось послѣ того, что Гизо, въ бытность свою министромъ просвѣщенія, передалъ государству надзоръ за обученіемъ, всецѣло принадлежавшимъ духовенству; въ

недавнее же время Дарвин сдѣлалъ обученіе бесплатнымъ, хотя и не обязательнымъ. Школьное образованіе ниже всего во внутреннихъ департаментахъ и въ Бретани, тамъ, гдѣ населеніе наименѣе перешло съ германскими и другими чуждыми элементами. О высшемъ же научномъ образованіи во Франціи самыя свѣжія данныя сообщены Эрнестомъ Ренаномъ въ замѣчательной статьѣ, помѣщенной въ «*Revue des deux mondes*». Причину постепеннаго, въ теченіе многихъ вѣдовъ, упадка его Ренанъ видитъ въ изгнаніи протестантовъ, въ господствѣ иезуитовъ, въ централизаціи и въ попыткѣ Наполеона I регламентировать научное движеніе. Особенно порицаетъ Ренанъ способъ высшаго обученія посредствомъ публичныхъ лекцій, такъ какъ подобныя лекціи—дѣло моды—поддерживаются одною декламаціей и профессоръ заботится только о томъ, какъ бы приманить наибольшее число слушателей. Самый складъ французскаго ума еще болѣе способствуетъ тому, чтобы приравнивать высшее обученіе къ ораторскимъ упражненіямъ, и Ренанъ видитъ серьезную отъ того опасность въ будущемъ: онъ боится, что французы сдѣлаются націей говорунновъ и фразеровъ, незаботящихся о сущности дѣла (*). Именно такова образованная часть населенія большихъ городовъ, восемьдесятъ лѣтъ руководящая Франціей въ политическомъ отношеніи. *Эта-то* Франція и состоитъ подъ господствомъ фразы, живетъ и борется только ради мимущаго эффекта.

При бездѣйствіи политической и умственной жизни, ничего удивительнаго нѣтъ въ томъ, что замкнутый организмъ римско-католической церкви имѣетъ значительное вліяніе, хотя оно болѣе наружное, особенно на мужицъ. — «Я полагаю, что сила церкви надъ умами невелика: равнодушіе проявляется и здѣсь такъ же, какъ въ политической жизни», говоритъ прусскій офицеръ. — «Въ церквахъ большихъ городовъ и даже селеній я видалъ мужицъ только въ большіе праздники, когда божественная служба сопровождалась хорошею музыкою; въ исповѣдальныхъ я никогда не видалъ ихъ. Съ подавленіемъ яansenизма (*), самой благородной формы римско-католическаго христіанства, религіозность во Франціи утратила серьезное направленіе, духъ и глубину; иезуитизмъ установилъ христіанство, облеченное въ неподвижныя, мелочныя наружныя формы, приправленное приторною сан-

(*) 22-го октября 1870 года въ газетѣ *France* было сказано: «Мы упали такъ низко, что стали пародіями болтуновъ, амбаритовъ и говорителей рѣчей».

(*) Ипполитъ епископъ Янсень, жившій въ семнадцатомъ вѣкѣ, училъ, что человекъ, послѣ грѣхопаденія, лишился свободнаго произвола (*libre arbitre*) и, что мы дѣлаемъ по необходимости то, что намъ болѣе нравится. Борьба яansenитовъ съ римскими дворами продолжалась до революціи прошлаго вѣка.

timentальностію, которая возбуждаетъ чувство и фантазію и такъ свойственна женщинамъ и ихъ сердечнымъ потребностямъ. Въ этомъ смыслѣ, французенки неаренно религіозны, набожны, и чрезъ нихъ-то духовенство проводитъ косвенно свое сильное вліяніе».

Удаленная отъ всякаго участія въ общественной жизни общины, провинціи, государства, масса французовъ не можетъ не быть чужда политическаго интереса. Только при выборахъ сельское населеніе проявляетъ живую дѣятельность и дорожитъ правомъ голосованія, хотя и извѣдало на опытѣ, какъ мало результаты этого права отвѣчали его желаніямъ и потребностямъ. Изъ жителей же большихъ городовъ: Парижа, Ліона, Лиля, Реймса немаловажное значеніе имѣетъ фабричное населеніе: на два миліона жителей Парижа приходится больше половины рабочихъ на фабрикахъ. Этотъ фабричный пролетаріатъ опасенъ тѣмъ, что на немъ отражается каждое политическое и промышленное колебаніе, влекущее за собою остановку работъ, а социалистскіе коноводы отлично пользуются такими случаями, чтобы взбунтовать всегда готовую къ беспорядкамъ толпу. Нынѣшнее децентрализующее движеніе во Франціи хочетъ освободить сельскихъ жителей отъ преобладающаго вліянія Парижа и большихъ городовъ, равно и отъ вліянія правительства на общинную администрацію. Въ большихъ городахъ поголовное право голоса давало рѣшительный перевѣсъ фабричнымъ рабочимъ; первое же условіе перемены заключается, конечно, въ политической дѣятельности, въ государственномъ и патриотическомъ чувствѣ *цѣлаго народа*; чего, до сихъ поръ, не было. Французскій крестьянинъ знаетъ очень хорошо что именно способствуетъ его матеріальнымъ выгодамъ; онъ знаетъ, что революція 1789—94 годовъ существенно улучшила положеніе сельскаго люда, и потому не имѣетъ ни малѣйшаго желанія видѣть возвратъ прежнихъ порядковъ (*ancien régime*); но то, что переходить за тѣсныя предѣлы его личныхъ и мѣстныхъ интересовъ, объ этомъ онъ и знать не хочетъ.

Послѣднія страницы своихъ «Очерковъ» авторъ посвятилъ характеристикѣ *французской арміи*.

Организація и духъ арміи стоятъ вездѣ въ тѣсной связи съ политической формою и съ духомъ народа, и, въ силу этой непреложной истины, французская армія не имѣла ни національнаго чувства, ни патриотизма, ни энергіи, ни духовной дѣятельности. Событія засвидѣтельствовали вѣрность отзыва генерала Трошю (въ 1867 году) о духѣ французской арміи и о недостаткахъ ея организаціи. Въ такой богатой странѣ, какъ Франція, замѣстительство удалило изъ арміи всѣ образованные, всѣ чутвіе къ патриотическому интересу эле-

менты: цѣлю Наполеона III было создать преторіанское войско и привязать его исключительно къ своей личности, къ своей династїи. Солдаты были преднамѣренно удалены отъ мѣста своей родины, отъ своей провинціи, чтобы сдѣлать для него Францію чуждою и превратить его исключительно въ солдата наполеоновскаго. Реформы маршаля Нееля успѣли осуществиться лишь отчасти, и время передъ началомъ войны было слишкомъ коротко, чтобы онѣ могли подѣйствовать на духъ войскъ. Между тѣмъ и въ арміи обпаружились опасности централизаціи: военный министръ и начальники его департаментовъ руководили всѣмъ, даже подробностями обученія людей. Положеніе генераловъ, исключая немногихъ прѣближенныхъ ко двору, маршаловъ, было въ высшей степени ничтожное; полковые командиры получали приказанія прямо отъ военного министра. Постоянныхъ правилъ о мобилизаціи не имѣлось; при открытіи войны, всѣ назначенія и постановленія присылались изъ Парижа. Офицеры генеральнаго штаба, переведенные въ это вѣдомство или вслѣдствіе успѣшно—выдержаннаго экзамена, или по протекціи, оставались внѣ всякой связи съ войсками. Въ полкахъ и въ баталіонахъ, спеціальныя офицеры заведывали обученіемъ солдатъ (officier du tir, l'adjutant-major и проч.), а дѣйствительные, прямые начальники, въ особенности ротные командиры, не имѣли почти никакого вліянія на подчиненныхъ имъ людей.

Словомъ, повсюду, и въ министерскомъ, и въ провинціальномъ, и въ гражданскомъ и военномъ управленіи встрѣчался, вмѣсто полнаго жизненной силы организма, тупой, бездушный механизмъ, и, вслѣдствіе того, рѣшительная неспособность частой дѣйствовать и двигаться, лишь только машина была тронута съ мѣста какимъ-нибудь толчкомъ. Духъ войскъ не могъ никакимъ образомъ возмѣстить собою недостатка организаціи. Большинство офицеровъ выходило изъ солдатъ и сохраняло всѣ отличительныя черты сельскаго населенія.

Славою арміи были воодушевлены всѣ; славою отечества — многіе. Хотя въ бельгійскихъ газетахъ и были напечатаны протесты французскихъ офицеровъ вскорѣ послѣ седанской катастрофы, однако, по мнѣнію автора, большинство офицеровъ, особенно штабъ-офицеры, были преданы наполеоновской династїи. Многіе солдаты и унтеръ-офицеры служили, быть можетъ, три, четыре раза какъ замѣстители, сколотили себѣ капиталецъ, который имъ выдали бы при отставкѣ, и затѣмъ, получивъ еще пенсію, они могли бы жить рентою, что, какъ сказано, составляетъ цѣль всѣхъ стремленій француза. Эти-то многочисленныя элементы не желали войны: они хотѣли мирно пользоваться

трудою колѣнкою; еще меньше желали они республики, которая едва-ли согласилась бы назначить им пенсія и выдать дотаціонныя суммы. Въ арміяхъ, сформированныхъ Гамбеттою, даже тотъ же духъ, что въ народѣ и въ наибольшей части прежней арміи. Даже въ Парижѣ, судя по словамъ Сарсо, желаніе продолжать оборону отнюдь не было всеобщимъ въ сентябрѣ и въ началѣ октября: парижане являлись на посредничество, которое избавило бы ихъ отъ несчастій и жертвъ борьбы; но они обвинялись тамъ, какъ и въ цѣлой Франціи, партіи, даже немногихъ единичнымъ лицамъ, присвоившимъ себѣ власть. А что нація была неспособна вести народную войну, это явствуетъ изъ самаго духа и характера французскъ, и доказывається прокламаціями Гамбетты о поголовномъ восстаніи, нѣвысокимъ слабымъ успѣхъ. Только независимость къ неурядицѣ, чувство мести къ нему, духъ инициативы, племенной патриотизмъ, привычка къ суровой, полной лишениями жизни, могутъ перенести народную войну; но ни одного изъ этихъ условій не было и нѣтъ во французскомъ народѣ. Отъ того и народная война вспыхивала лишь въ немногихъ исключительныхъ Франціи и въ рѣдкихъ случаяхъ. Но если не было народной войны въ томъ смыслѣ, что народъ добровольно брахся за оружіе, чтобы повсюду нападать на непріятеля, вредить ему, прерывать его сообщенія, то, по приказанію правительства, ведена была малая и часто успѣшная война средствами народной войны. Вольные отряды (*sougrs francs*), недостаточно или вовсе неустроенные и необмундированные, большую частію безъ дисциплины, вылазали изъ многочисленныхъ французскихъ крѣпостей, старались нападать на слабыя посты и на мурьеровъ, портить желѣзныя дороги и мосты; словомъ, дѣлать все то, чего искони требуютъ сущность малой войны. Кроме того, при всеобщей неурядицѣ, какъ неизменно слѣдствіи непріятельскаго вторженія, формировались шайки разбойниковъ, безъ всякой политической и военной цѣли, но отчасти обмундированныя, которыя являлись даже во время перемирія. «Кто нѣтъ случаевъ», говоритъ авторъ, «побывать въ теченіе войны въ тѣхъ мѣстахъ Франціи, до которыхъ не достигала власть Гамбетты, или куда не вступали германскія войска, тотъ съ удивленіемъ видѣлъ множество молодыхъ, здоровыхъ людей, которые преспокойно занимались полевыми работами или, стоя у дверей домовъ, безвѣчно отвѣчали на привѣтствіе проезжихъ. А вѣдь имъ никто не вѣшалъ отправиться въ одну изъ ближайшихъ крѣпостей и поступить въ вольные стрѣлки или въ подвижную гвардію.... Да!... Но что же можно составить крестьянина, не имѣющаго другаго отече-

ства, крокъ своего прихода, не представляющаго собоу идеаломъ никакой политической формы, не преданнаго никакой династии, желающаго только приобрести и пользоваться—что можетъ побудить его бросить домъ, жену, дѣтей, взять ружье, караулить появленіе неприятеля и подвергать себя трудамъ и опасностямъ партизанной войны?... Заставить это могла бы только прищипка престола, но прищипка дѣйствуетъ лишь тогда, когда есть принужденіе и контроль; изъ духа же французскаго сельскаго населенія подобная война произойти не могла. Не могла потому, что сельское населеніе при своей вялой, апатичной натурѣ, дѣлае въде находилось подъ гнетомъ централизаціи, подъ фарулоу іезуитскаго католицизма, и видѣло множество революцій и безпрестанной перемены династій.

— «Если бы у меня было и семеро сыновей, ни одного изъ нихъ не пустилъ бы я въ солдаты!» сказади одинъ почтенный мѣръ прусскому солдату. «Даже для защиты отечества?»... «Que voulez vous? се n'est pas son affaire!»... («А какъ же? это до него не касается!»...)

Война была, следовательно, для французскихъ буржуа и помещанъ лишь дѣломъ ихъ арміи; сами же они были на столько заботливы, чтобы содержать хорошее боевое войско. Боль скоро такая мысль распространена даже между лучшими людьми, то нечего думать объ энергической народной войнѣ: народъ, испытавъ бѣдствія военныхъ тревогъ, не потребуе заключенія мира. «L'état militaire est une servitude brutale, qui depuis longtemps régné à notre civilisation» («военное званіе есть грубое рабство, издавна противное нашей цивилизаціи»), говоритъ Жоржъ Сандъ, видѣвшая, въ половинѣ октября 1870 года, на улицахъ Ла-Шатра, новобранцевъ, «жертвенно-пьяныхъ» (ivres morte), сопровождаемыхъ плачущими родственниками. Потомъ ей попалась война при переходѣ изъ одного депо въ другое: «Только въ горахъ Каталоніи видѣла я въ 1839 году солдатъ въ неудобномъ бѣдственномъ, обнаженномъ положеніи; лошади были на половину следетями, люди на половину наги... Говорятъ, будто всѣ дезертировали прежде Седана... Народъ не хочетъ ни войны, ни республики; сожалѣетъ, что Царикъ еще не палъ, и видитъ въ его патриотизмѣ помѣху миру»... Послѣ первыхъ дѣлъ подъ Орлеаномъ, Жоржъ Сандъ писала: «Нашихъ молодыхъ гражданскихъ войскъ боится (мирые граждане) столько же, какъ и неприятеля: они недифференцированы, имѣютъ плохихъ начальниковъ, или и вовсе безъ начальниковъ»... А о герояхъ Гарибальди она отозвалась такъ: «Если есть герои въ этомъ отрядѣ, то въ немъ есть

также—и, къ несчастію, въ большомъ числѣ—отъявленные разбойники (*d'insignes bandits*), позоръ и скандалъ этой войны (*la honte et le scandale de cette guerre*).

Въ «*Journal d'un officier de l'armée du Rhin*» помѣщенъ, послѣ безпристрастнаго описанія кампаніи до седанской капитуляціи, дневникъ майора Давида, павшаго геройскою смертію при Бомонѣ. Это, бесспорно, наиболѣе правдивое свидѣтельство, ибо Давидъ записывалъ только свои непосредственныя впечатлѣнія, не думая объ обнаруженіи ихъ. Когда войска, послѣ пораженія при Вёртѣ, отступали въ беспорядкѣ, не имѣя правильнаго продовольствія, онъ отмѣтилъ 8-го августа: «Несмотря на пораженіе, между нашими солдатами незамѣтно деморализаціи, и если бы имъ было что ѣсть, они охотно пѣли бы. Хорошіе люди не понимаютъ, какія пагубныя послѣдствія можетъ имѣть претерпѣнное нами пораженіе для нашего Отечества. Бѣдные мужички, безъ воспитанія и безъ образованія—слово «отечество» не затрoгиваетъ въ нихъ ни одной струны...» (*le mot «patrie» ne fait vibrer aucune corde en eux*). «И вотъ», прибавляетъ Давидъ, «роковой результатъ рекрутской системы, въ которой всѣ сословія общества не участвуютъ въ равной степени!... Упадокъ націи начинается тѣмъ, что люди имущіе откупаются деньгами отъ воинской повинности...» Впрочемъ, Давидъ заходитъ слишкомъ далеко, вида главную причину отсутствія патриотизма въ системѣ рекрутскаго набора: онъ забылъ о цѣломъ рядѣ революцій, расшатавшихъ государственный организмъ, о томъ, что централизующая администрація отучила французовъ отъ всякой инициативы, отъ всякаго участія въ государственной жизни. Самъ Персилье далъ объ императорской Франціи слѣдующій отзывъ въ рѣчи, произнесенной имъ въ сентъ-вѣтенскомъ обществѣ искусствъ и торговли: «Вмѣсто сильной аристократіи, владѣвшей землею, раздѣленною на большія помѣстья, неподвижной вслѣдствіе права наслѣдія и державшей въ своихъ рукахъ значительныя средства вліянія, мы имѣемъ административную іерархію, которая одна представляетъ собою *есть* политическій организмъ нашей демократіи и внѣ которой есть только песчинки, ничѣмъ между собою не связанныя» (*au dehors de laquelle il n'y a que les grains de sable sans cohesion et sans adhérence*).

Таковы взаимодѣйствующія причины и слѣдствія индивидуализма, *eesprit de clocher*, лишеннаго всякой способности самоуправленію, въ которомъ централизація убила всякій духъ вѣчнаго, всю силу воли. Въ тѣсномъ кругу семейной жизни, при заботахъ о пріобрѣ-

тѣни и при вседневномъ пользованіи пріобрѣтенымъ, духъ мельчаетъ, чувства къ отечеству замирають.

Все предсказанное Токвилемъ исполнилось: опасности демократіи, поражающей равенство, а не свободу, пагубно проявляются въ народѣ, сдѣлавшемся неспособнымъ къ самоуправленію, равнодушнымъ къ участию въ политической жизни. И вотъ почему Франція становится добычею всякаго проходимца, всякаго бунта въ Парижѣ, вручающаго верховную власть нѣсколькимъ коноводамъ.... А между тѣмъ жестокія потрясенія, испытываемыя Франціей, не вызвали до сихъ поръ ни одного выходящаго изъ ряда вонъ характера—ни Мирабо, ни Дантона, еще менѣе Наполеона I. Этимъ опять доказывается только всеобщее нравственное усыпленіе, духовная пустота, умственное убожество.

Если свести все, высказанное авторомъ, къ одному знаменателю, то современная Франція представитъ слѣдующія явленія:

Право опредѣлять, посредствомъ выборовъ, политику *en gros*, принимать участіе въ государственномъ управленіи, не имѣя права распоряжаться дѣлами собственнаго дома, общины, провинціи, это право не могло породить никакого живаго общественнаго духа. Масса французовъ лишена всякаго политическаго интереса, даже патріотическаго чувства, а крутые переходы отъ одной правительственной формы къ другой, частая перемѣна династій, быстро разгорающійся военный пламень и столь же скоро наступающее уныніе подтверждаютъ отсутствіе самодѣятельности, національнаго интереса, и показываютъ, что въ нынѣшней Франціи желаніе владѣть и наслаждаться владѣніемъ подавило все, не исключая и патріотизма.

Воскреснетъ-ли Франція, или роль ея кончена? Быть или не быть ей? Кто возьметъ на себя рѣшить этотъ вопросъ?

Т.